

Книги
Курбана Саида:

*

Али и Нино

*

**Девушка
из Золотого Рога**

*

Курбан
Саид

ДЕВУШКА
ИЗ
ЗОЛОТОГО РОГА

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44
С 14

Kurban Said
DAS MÄDCHEN VOM GOLDENEN HORN
Copyright © 1938, 2001 Ehrenfels Ges.m.b.H
Published in the English language in 2001
by The Overlook Press, an imprint of ABRAMS, New York
Original English title: The Girl from the Golden Horn
All rights reserved in all counties by Harry N. Abrams, Inc.

Перевод с немецкого Сабины Улухановой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки
Ильи Кучмы, Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-24334-7

© С. Улуханова, перевод, 2023
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

Глава 1

— А что вы скажете об этом «и», фройляйн Анбари?

Азиада подняла голову. Ее серые глаза были задумчивы и серьезны.

— Это «и»... — повторила она тихим, мягким голосом, потом, немного помолчав, решительно и отчаянно выпалила: — Оно является якутским герундием, сходным с киргизской формой «бариси».

Профессор Банг, чьи очки в круглой стальной оправе и длинный с горбинкой нос делали их обладателя похожим на мудрую сову, после тихого, неодобрительного пыхтения осторожно потер переносицу и, стукнув костлявым пальцем по столу, сказал:

— Я считаю, что это «и» в якутском «бари» не что иное, как посессивный суффикс. «Бари» означает «целостность», и окончание «и» вместо привычного якутского «а» должно быть следствием палатализации. Но где же тогда корень этого существительного?

— «Бар» — «существующий», — сказала Азиада.

— Да, — задумчиво и уныло сказал Банг, — «существующий», и он может склоняться, как и любое другое существительное. В кумыкском

корень тот же — «бари». В балкарском и карачаевском он трансформируется в «барасин». Но я все же не могу до конца объяснить это отсутствие «а» в якутской форме.

От старинных, пожелтевших листов исходил ни с чем не сравнимый аромат древних рукописей, наполнявший маленький кабинет. Квадратный стол стоял у высокого окна. Банг задумчиво перелистывал энциклопедию. Кроме него, за столом сидели татарин Рахметуллах, венгр — доктор Сурмай и синолог Гётц. Азиадэ, смущенная собственной настойчивостью, разглядывала свои аккуратные ногти, а Гётц предположил, что эта загадочная форма может быть застывшей формой монгольского творительного падежа.

— В молодости я тоже пытался все объяснить застывшим монгольским творительным падежом. Смелость — привилегия молодости.

Бангу было шестьдесят лет, синологу — сорок пять.

Азиадэ вдруг почувствовала сильную боль в горле. Сладковатый аромат, исходивший от пожелтевших страниц ветхой энциклопедии, изогнутые линии маньчжурских и монгольских письменностей, варварские формы уже забытых языков — все это казалось каким-то нереальным, чуждым, почти парализующим. Она облегченно вздохнула, когда наконец прозвенел звонок. Банг принялся раскуривать трубку, желая показать, что семинар по сравнительному анализу тюркских языков окончен, потом, погладив костлявыми пальцами пожелтевшие страницы уйгурской грамматики, сухо произнес:

ДЕВУШКА ИЗ ЗОЛОТОГО РОГА

— В следующий раз мы будем обсуждать структуру негативных глаголов на основе манихейских гимнов.

Голос его звучал многообещающе и одновременно грозно. Филология как наука потеряла для него всякий смысл после смерти великого Томсена из Копенгагена. Молодежь ничего не понимала и сваливала все на затвердевшую форму творительного падежа.

Четверо вольнослушателей молча откланялись.

Азиада вышла на широкую лестницу факультета восточных языков. Коридор заполнили бородатые египтологи, восторженные юнцы, готовые посвятить жизнь изучению ассирийской клинописи. Из-за закрытой двери арабской аудитории еще доносились всхлипывающие гортанные обрывки газелей Лебида. Было слышно, как в заключение преподаватель произнес: «Мы рассмотрели классический пример *modus apocopatus*»¹.

Азиада спустилась по лестнице. Крепко сжимая в руках кожаный портфель, она локтем толкнула тяжелую дверь и вышла на улицу. На узкой Доротеенштрассе густо лежала осенняя листва. Быстрой, семенящей походкой она пересекла улицу и оказалась в университетском дворе. Тонкие деревья, казалось, сгибались под бременем знаний. Азиада подняла голову и посмотрела на мрачное небо осеннего Берлина, темные окна аудиторий и позолоченную над-

¹ Способ сокращения слова через изъятие буквы или слога (*лат.*).

пись над входом в университет... Студенты в тонких серых плащах, с огромными папками под мышкой спешили мимо нее — люди из другого, чуждого и непонятного ей мира: медики, юристы, экономисты.

Азиаде вступила в темный вестибюль главного корпуса университета. Большие часы показывали восемь минут одиннадцатого. Вестибюль был заполнен снующими в разные стороны людьми.

Погруженная в свои мысли, она остановилась перед черной факультетской доской и пробежала взглядом объявления: «Лекции проф. Хастингса по ранней истории готики в этом семестре отменяются»; «Найден учебник по химии. Обращаться к швейцару»; «Проф. Закс готов бесплатно принимать всех коллег по университету. Ежедневно с 3 до 5. Клиника внутренних болезней».

Эти объявления висели здесь еще с начала семестра. Их края уже пожелтели, как у древних свитков Каира или Лахора. Азиада достала из портфеля маленькую записную книжку и мелким, струящимся вниз почерком записала: «Ларингологическая клиника. Луизенштрассе, 2, с 9 до 13».

Спрятав книжку обратно в портфель, она вышла на передний двор, который вел на Линденштрассе. Перед ней возникли величественная статуя Фридриха Великого, классические линии Дворца кронпринцев. Вдали, в мрачном полусвете осеннего утра, высились кариакиды Бранденбургских ворот.

ДЕВУШКА ИЗ ЗОЛОТОГО РОГА

Азиаде повернула направо, прошла по Луи-Фердинандштрассе и оказалась во дворе городской библиотеки. Взбежав по мраморной лестнице, она остановилась у входа в большой круглый читальный зал. Налево тянулись длинные лабиринты каталогов. Маленькая дверь справа вела в вытянутый «Восточный читальный зал», где собирались самые загадочные ученые Берлина, — пристанище людей не от мира сего. Здесь стоял вечный запах книжной пыли, древних фолиантов и мудрости...

Азиаде подошла к книжным полкам, взяла «Сравнительный словарь» Радлоффа и усеялась за длинный широкий стол. Раскрыв книгу, девушка склонилась над ней, морща чуть выпуклый лоб. В голове вновь зазвучали обрывки древних слов. Перед затуманенным взором на фоне черных уйгурских иероглифов предстали всадники туранских степей, ночной лагерь кочевников и серые анатолийские холмы.

А рука тем временем механически записывала: «Этимология слова „утч“ — „конец“. „Утч“ — на основе фонетических законов в абаканском диалекте переходит в „ус“. В карагайском представлены две формы — „уту“ и „уду“. В саянском также „уду“...»

Азиаде остановилась. Она понятия не имела о саянском языке, не представляла, когда и где говорили на языке, формы которого она сейчас расшифровывает.

В этих словах ей слышался гул большой реки, виделись дикие узкоглазые люди, которые, вооружившись гарпунами, тащат на поросший

мхом берег длинных жирных осетров. Темнокожие, широколицые мужчины были одеты в шкуры животных. На берегу они забивали осетров, выкрикивая при этом «уду» — саянскую форму древнетюркского слова «утч» — «конец».

Азиаде достала из портфеля маленькое зеркальце, спрятала его между страницами энциклопедии и украдкой посмотрела в него: тонкие алые губы, светлое, чуть вытянутое лицо и серые глаза с длинными пушистыми ресницами. Она дотронулась указательным пальцем до длинных бровей, провела по мягкой, светлой, слегка покрасневшей коже. Ничто в этом лице не напоминало тех широколицых, узкоглазых кочевников с берегов безымянной реки.

Азиаде вздохнула. Тысячи лет отделяли ее от могучих предков, которые когда-то пришли из туранских пустынь и наводнили серые равнины Анатолии. За эти тысячи лет постепенно исчезли раскосые глаза, смуглая кожа и крепкие широкие скулы. За эти тысячи лет возникали империи, новые города и изменялись гласные в корнях слов. Один из ее предков завоевал столицу империи Стамбул, а другой предок потерял город халифов — Багдад. Осталось только овальное маленькое лицо, светлые печальные глаза и болезненные воспоминания о потерянной империи, сладких водах Стамбула и доме на Босфоре с выложенными мрамором дворами, стройными колоннами и белой надписью над входом.

Азиаде по-девичьи покраснела, спрятала зеркальце и осторожно осмотрелась. Вокруг были

ДЕВУШКА ИЗ ЗОЛОТОГО РОГА

только сгорбленные спины, лысины и близорукие взгляды соседней.

Торжественная тишина читального зала временами прерывалась робким шепотом:

— Не могли бы вы передать мне «Elementa persica»?

— Опечатка в амхарийской энциклопедии! Что вы на это скажете?

— Вы думаете, это дополнение несет в себе отрицание?

Тихо шуршала пожелтевшая бумага древних изданий. Книжные полки напоминали оскал злого всемогущего чудовища. Рядом, склонившись над столом, сидела сухая, с бледной кожей и впавшими щеками женщина, напряженно переводившая «Тарик» Хак-Хамида. Она увидела зеркало, бросила на Азиаде неодобрительный взгляд и написала на маленьком листке: «Horribile dictu! Cosmetics speculumque in colloquium!»¹ Она подвинула листок Азиаде, а Азиада примирительно написала на обратной стороне: «Non cosmeticae sed influenza². Я болею. Давайте выйдем, я помогу вам переводить „Тарик“».

Она закрыла энциклопедию и вышла в большой вестибюль. Филолог с впавшими щеками последовала за ней. Они устроились на холодной мраморной скамье в вестибюле. Азиада раскрыла книгу. Из переливов четверостиший выступали серые скалы Испании, полководец Тарик в мерцающем свете факелов переходил ночью Гибралтарский пролив и, ступив ногой на ска-

¹ Позор! Заниматься косметикой во время занятий (лат.).

² Я не занимаюсь косметикой, у меня грипп (лат.).

лу, клялся халифам покорить испанскую землю. Филолог восторженно вздохнула. Ей казалось несправедливым, что в Турции каждый ребенок знает турецкий, а она, ученая, должна прикладывать столько труда, чтобы одолеть его.

— Я болею, — сказала Азиадэ и отложила «Тарик». Она задумчиво посмотрела на черного орла, украшающего мраморный пол, затем поднялась и сказала: — Мне надо идти, коллега. — Азиадэ попрощалась и в неожиданно хорошем расположении духа направилась к выходу.

Крепко сжимая в руках портфель, она шла по шумной Фридрихштрассе. Над Берлином висел легкий осенний дождь. У вокзала, словно солдаты на параде, выстроились продавцы газет.

Азиадэ подняла воротник тонкого плаща. На Адмиралштрассе в сумерках дождя ее маленькая ножка подвернулась и проезжавшая мимо машина обрызгала девушку грязью из лужи. Чулки тут же покрылись отвратительными серыми пятнами. Раздосадованная, она пошла дальше. Свинцовая Шпрее отдавала тусклой синевой. Азиадэ остановилась на мосту, разглядывая металлические конструкции вокзала. Где-то над головой прогрехотал поезд.

Перед ней лежала сверкающая от осеннего дождя широкая Фридрихштрассе. Этот чужой город был прекрасен классической прямою своих мокрых пустынных улиц. Азиадэ глубоко вдохнула его чужой воздух и посмотрела на серые лица прохожих. Ее романтический ум высматривал в длинных, гладко выбритых лицах прохожих отставных капитанов подводных лодок, предпринимавших отчаянные походы

ДЕВУШКА ИЗ ЗОЛОТОГО РОГА

к берегам Африки; жесткие голубые глаза мужчин таили мрачные воспоминания о полях сражений во Фландрии, в снежных пустынях России, пылающих песках Аравии.

На невообразимо длинной Луизенштрассе дома постепенно приобретали красноватый оттенок. На углу улицы мужчина в толстых шерстяных перчатках продавал каштаны. У него были глубокие голубые глаза, и Азиада подумала, что в их жестком, полном уверенности взгляде есть что-то от короля Фридриха и поэта Клейста¹. Но тут продавец каштанов смачно сплюнул. Азиада испуганно отшатнулась. Да, от этих мужчин можно ожидать чего угодно, а Клейст уже давно покинул этот мир.

Она сглотнула слюну, снова ощутив при этом сильную боль в горле, и медленно пошла дальше по мокрому асфальту. Капля дождя, упавшая за воротник, медленно скатывалась по спине. Она крепче сжала в руке портфель и увидела впереди на левой стороне улицы памятник Вирхову². Все вокруг приобретало медицинские оттенки: прилавки магазинов сверкали металлом хирургических пил, зубоорудийных инструментов, лежащих по соседству с учебниками по общей патологии. Азиада остановилась перед одним из прилавков и поежилась: из-за витринного стекла ей улыбался скелет с тонкими костями. Она оказалась зажатой между покойным Вир-

¹ *Генрих фон Клейст* (1777–1811) — немецкий поэт и драматург, воспевший юнкерскую Пруссию в драме «Принц Фридрих Гомбургский».

² *Рудольф Вирхов* (1821–1902) — немецкий общественный деятель, основатель и лидер прогрессивистской партии.

ховом и скелетом. В зеркале витрины она увидела собственное вытянувшееся от испуга лицо с покрасневшими щеками. Слева возвышалась красная стена Шаритэ¹, за оградой — голые ветви деревьев и больные в пижамах в бело-голубую полоску. Она пошла дальше, съезжившись, втянув голову в плечи. Ей уже не было холодно, от насквозь промокшего плаща пахло резиной.

«Поезд не останавливается на мосту Яновитц», — грустно произнесла она про себя. Это была первая фраза, которую Азиадэ выучила на немецком и постоянно вспоминала, когда чувствовала себя потерянной и одинокой в величественном каменном Берлине.

Она взошла по ступенькам и толкнула тяжелую дверь клиники. Грузная медсестра спросила ее имя и протянула карту. Перед зеркалом Азиадэ сняла маленькую черную шляпку, и светлые мягкие волосы, чуть намокшие на концах, свободной волной упали на плечи. Она причесалась, оценивающе посмотрела на свои ногти, спрятала карту в карман и вошла в большую полутемную приемную.

— *Concha bullosa*², — сказал доктор Хаса и бросил инструменты в тазик. Пациент испуганно посмотрел на выписанное им направление и скрылся в рентгеновском кабинете.

— А может быть, и эмпиема³, — пробормотал Хаса.

¹ Больница в Берлине.

² Воспаление ушной раковины или носовых пазух, форма хронического синусита (*лат.*).

³ Гнойник (от *греч.* *εμπυημα*).

ДЕВУШКА ИЗ ЗОЛОТОГО РОГА

Он записал свое предположение в историю болезни и отправился мыть руки.

Глядя, как светлые капли скатываются по его пальцам и исчезают в раковине, Хаса жалел себя. «Я просто несчастный человек», — думал он, и на лбу у него обозначились горизонтальные морщинки. Три аденотомии за одно утро — это уж точно чересчур. К тому же одна из них под наркозом. И эти два парацентеза — второй был вовсе не обязателен. Барабанная перепонка все равно вскрылась бы сама по себе, но пациент начинал волноваться.

Доктор Хаса вытер руки и вспомнил о риносклероме. Это было его больным местом. «Старик» хотел продемонстрировать ее студентам, а она сопротивлялась. Риносклерома была у одной сумасбродной тетки, которая упрямо твердила, что не намерена быть подопытным кроликом. Жаль, что к каждой болезни прилагается еще и пациент. Но на самом деле Хаса больше всего разозлился на практиканта. Тому следовало бы стать психоаналитиком и переехать в Вену, где он мог бы сколько душе угодно класть полипотом с петлей на стеклянный столик. И это во время обхода «старика»! Тот ничего не сказал, но покраснел от возмущения. Но хуже всего, что именно он, Хаса, является ответственным за этого практиканта и, соответственно, за его представления о современной гигиене.

— Положить стерильную петлю на стол, и это прямо перед применением, — возмутился Хаса и пожалел про себя, что физические меры воздействия к студентам запрещены.

Он обмотал носовым платком эбонит рефлектора, рассерженно щурясь и точно зная, что причина его плохого настроения не в риносклероме и не в этом практиканте. Во всем виновата погода, из-за которой невозможно поехать на Штольпхензее¹. Тем более что вчерашняя блондинка обязательно будет и сегодня... но хватит об этом.

Конечно, во всем виноваты погода и Штольпхензее, но ни в коем случае не известие о том, что Марион провела все лето в обществе Фрица в Зальцкамергуте. Какое ему дело до Марион? А риносклерома будет продемонстрирована, хочет того больная или нет, — в конце концов, это университетская клиника.

Придав лицу серьезное выражение, доктор Хаса вошел в большую приемную. Выстроившиеся у стен ряды стульев для обследования казались бесконечными. Рядом с каждым из них — электрическая лампа, столик для инструментов и пара мисок. Пациенты сидели с отсутствующими, но одинаково напряженными лицами. Слева доктор Мазицкий щелкнул зеркалом для горла, а у третьего стула справа доктор Манн выкрикнул:

— Сестра, ушную воронку!

На стуле доктора Хасы сидела блондинка с мечтательными серыми глазами, но более всего доктора поразили их необычный разрез. Хаса опустился на низкий табурет и внимательно посмотрел на нее. Девушка улыбнулась, и ее грустные глаза вдруг озарились сиянием. Она указала

¹ Озеро в окрестностях Берлина.

ДЕВУШКА ИЗ ЗОЛОТОГО РОГА

ла пальцем на направленный вверх рефлексор на голове у Хасы:

— Похоже на нимб.

Акцент выдавал в ней иностранку.

Хаса улыбнулся. Жизнь все-таки очень забавная штука, а до Марион ему и вправду нет никакого дела. Он посмотрел в серые бездонные глаза пациентки и подумал: «Будем надеяться, что это *rhinitis vasomotorika*¹ и требует длительного лечения». Впрочем, он сразу же отогнал эту мысль как недостойную врача и с легким ощущением вины спросил:

— Как вас зовут?

— Азиадэ Анбари.

— Профессия?

— Студентка.

— Ах вот как, коллега! — воскликнул Хаса. — Тоже медик?

— Нет, филолог, — ответила девушка.

Хаса поправил рефлексор.

— Посмотрим, что привело вас ко мне. Так, боль в горле. — Его левая рука автоматически нащупала шпатель. — Изучаете германистику?

— Нет, я тюрколог.

— Кто, простите?

— Я занимаюсь сравнительным исследованием тюркских языков.

— Боже мой! И зачем вам это?

— Просто так, — сердито ответила она и раскрыла рот.

Хаса исполнял свой врачебный долг с толком и расстановкой. Но мысли его при этом де-

¹ Насморк, ринит (*лат.*).

лились на профессиональные и личные. Профессионал в нем установил: результат риноскопии — anterior et posterior¹ — без патологий. Легкое покраснение левой барабанной перепонки, но без болезненности при надавливании. Признаков otitis media² нет. Ограниченная местная инфекция. При лечении учитывать анамнез. А как частное лицо он думал: «Сравнительное изучение тюркских языков! Неужели и этим можно всерьез заниматься! Даже имея такие серые глаза! „Анбари“, — сказала она. Это имя я где-то слышал. Ей, наверное, нет и двадцати, а какие мягкие волосы».

Он отложил рефлектор, отодвинул табурет и деловито сказал:

— Tonsillitis³. Начинающаяся angina follicularis⁴.

— А на немецком — заурядная ангина, — улыбнулась девушка, и доктор Хаса решил больше не употреблять латыни.

— Да, — сказал он, — естественно, постельный режим. Вот вам рецепт для полоскания. Никаких компрессов, домой на машине, диета. А почему все-таки тюркология? Зачем вам это?

— Мне это интересно, — скромно ответила девушка, и сияние ее глаз разлилось по всему лицу. — Вы не представляете, сколько существует диковинных слов, и каждое из них звучит как барабанная дробь.

¹ Предшествующий и последующий (лат.).

² Отит (лат.).

³ Тонзиллит, воспаление миндалин (лат.).

⁴ Фолликулярная ангина (лат.).

ДЕВУШКА ИЗ ЗОЛОТОГО РОГА

— У вас температура, — сказал Хаса. — Оттого и барабанная дробь. Я где-то слышал ваше имя. Был такой губернатор в Боснии, которого звали Анбари.

— Да, — проговорила девушка. — Это был мой дед.

Она поднялась. Пальцы ее на мгновение утонули в широкой ладони доктора Хасы.

— Приходите еще, когда будете здоровы... Я имею в виду, если понадобится дополнительное лечение.

Азиада подняла глаза вверх. У врача была смуглая кожа, черные, зачесанные назад волосы и широкие плечи. Он очень отличался от таинственных капитанов подводных лодок и дикарей-рыболовов с берегов безымянных рек. Девушка быстро кивнула ему и пошла к выходу.

На вокзале у Фридрихштрассе Азиада остановилась и задумалась. Врач что-то говорил о машине. Она сжала губы и решила пошниковать. Высоко подняв голову, девушка пошла мимо вокзала в направлении Линдена. Там она села в автобус, прислонилась к мягкой кожаной спинке сиденья и довольно подумала о том, что машина является всего лишь скромной *diminutivum*¹ плавно катящегося автобуса.

— До Уландштрассе, — сказала она кондуктору, протягивая монетку.

¹ Диминутив, уменьшительно-ласкательная форма в латыни.

Саид К.

С 14 Девушка из Золотого Рога : роман / Курбан Саид ; пер. с нем. С. Улухановой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 352 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-24334-7

Личность Курбана Саида загадочна, как его книги. Подлинное имя автора, скрывающегося за этим псевдонимом, до сих пор вызывает споры. Не менее темна история самого известного его романа «Али и Нино»: изданная в 1937 году книга была крепко забыта вплоть до 1970 года, когда, после одновременного издания в Америке и Англии, ее персонажи триумфально вернулись на прилавки книжных магазинов. «Девушка из Золотого Рога» — второй роман автора, драматичная история молодой турчанки, которая должна была стать одной из жен османского паши, однако вынуждена покинуть Турцию и жить в Берлине, приспособившись к обычаям и привычкам европейской жизни.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Литературно-художественное издание

КУРБАН САИД
ДЕВУШКА
ИЗ ЗОЛОТОГО РОГА

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Корректоры Елена Терскова, Наталья Хуторная
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 10.10.2023. Формат издания 84 × 96 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 16,39.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ООО «Тверской полиграфический комбинат».

170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page — www.tverpk.ru.

Электронная почта (E-mail) — sales@tverpk.ru

H-ABA-33297-01-R